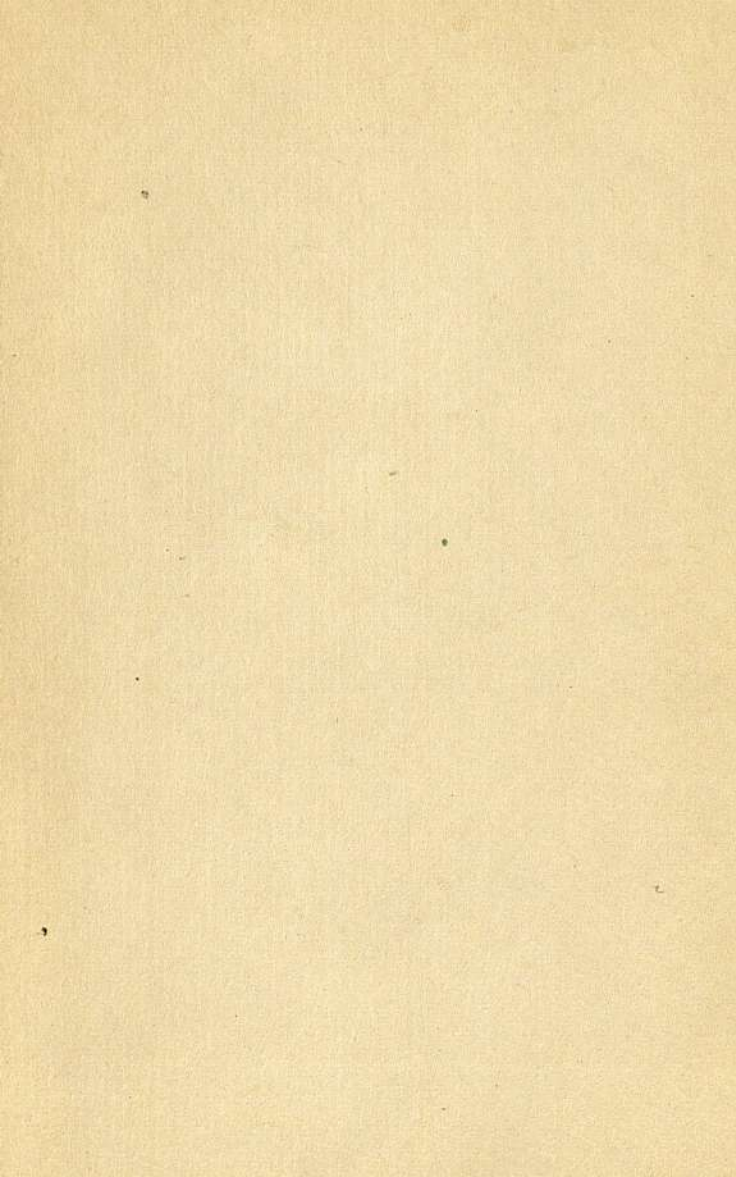

U 201
900

Изданіе В. И. Раппъ и В. И. Потапова.

И $\frac{201}{900}$

Блестящій Капитанъ.

(Очеркъ изъ былой морской жизни).

К. Станюковича.

2-е ИЗДАНИЕ.

Цѣна 5 коп.

Харьковъ.

Типографія Г. Б. Молчадскаго. Петровскій—11.

1903.

БЛЕСТЯЩІЙ КАПИТАНЪ.

К. СТАНЮКОВИЧА.

ЦѢНА 5 КОП.

Книгоиздательство Д. Г. Алексѣва.

Въ настоящее время вышли слѣдующія изданія:

Рубакинъ Н. Разказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Изд. 3-е испр. и доп. 144 стр., 57 рис. ц. 35 к. (Допущено въ ученич. библ. средн. и низш. учебн. завед., въ безплат. библиот. и читал. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

Рубакинъ Н. Приключеніе двухъ кораблей или разказы о царствѣ вѣчнаго холода. Изд. 3-е, 120 стр., 65 рис. цѣна 25 коп. (Рекомендовано для библ. начальн. сельск. и город. училищъ, для народныхъ читаленъ и для низш. клас. средн. учебн. заведен.).

Рубакинъ Н. Разказы о великихъ событіяхъ разныхъ временъ и народовъ. Великія войны и борьба съ войной. Съ рис. цѣна 35 к.

Быкова А. Разказы изъ исторіи Англии XI—XIX. Историч. очеркъ государств. учрежденій Англии. 264 стр., 34 рис. цѣна 1 руб.

Гарибальдійцы. Историч. повѣсть изъ временъ борьбы Италіи за свое освобожденіе. 80 стр., ц. 15 к.

Станчева Е., женщ.—вр. Несчастненькіе. О преступленіяхъ и преступникахъ. 79 стр., ц. 25 к.

Рубакинъ Н. Разказы о подвигахъ человѣческаго ума и о чудесахъ науки. Изд. 2-е. (Первое изданіе одобрено для библ. низшихъ и средн. учебн. и народ. читаленъ). Съ рис. Сиб. 1901 г. цѣна 30 коп.

Рубакинъ Н. Подземный огонь. Откуда и когда онъ взялся. Что было съ землею много лѣтъ назадъ и что съ нею будетъ? Съ рис. Сиб. 1901 г., ц. 35 к.

Семеновъ К. Что есть на небѣ, на солнцѣ, на звѣздахъ и другихъ свѣтилахъ и какъ о томъ узнали съ точностью и достовѣрностью. Съ рис. Сиб. 1901 г., ц. 35 к.

Гейки. Физическая географія. Пер. М. Антоновича. Изд. 2-е, испр. и доп. по посл. англ. изд. Съ рис. Сиб. 1902 г., ц. 30 коп. 1-е изд. включено въ кат. кн. для низш. уч. зав. и публ. народн. чт. и для безплатн. народныхъ читаленъ.

Гейки. Геологія. Пер. М. Антоновича. Изд. 2-е, испр. и доп. по посл. англ. изд. Съ рисунками. Сиб. 1902 года, цѣна 30 коп. 1-е изд. включено въ катал. книгъ для безплат. народн. читаленъ.

Черезъ складъ Д. Г. АЛЕКСѢВА можно выписывать всѣ книги составленныя Н. А. Рубакинымъ, а также слѣдующія:

Мезіеръ А. Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе вклуч. Библиограф. указатель произведеній русской словесности, въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Часть I. Русская словесность съ XI по XVIII стол. С.-П.-В. 1899 г. ц. 2 р. (Одобрено для фундамент. библиот. сред. учит. библ. низш. учеб. завед. и народн. читаленъ.) Часть II. Русская словесность XVIII и XIX стол. Современная русская беллетристика въ связи съ критикой и публицистикой. Книги и журнальныя статьи. Больше 550 стр. убористой печати. (Оканчивается печатаніемъ). ц. 4 р.

Библиографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. С.-П.-В. 1897 г. ц. 1 р. (осталось небольшое число экз.).

Складъ изданій Д. Г. Алексѣва.

С.-Петербургъ, Троицкій проспектъ, д. 12, кв. 5.

Издание В. И. Раппъ и В. И. Потапова.

И $\frac{201}{900}$

Блестящій Капитанъ.

(Очеркъ изъ былой морской жизни).

К. Станюковича.

2-е ИЗДАНИЕ.

Цѣна 5 коп.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Г. Б. Молчадскаго Петровскій пер., № 11.

1903.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ. 21-го Марта 1903 г.

2202157

2007067249

Блестящій Капитанъ.

(Очеркъ изъ былой морской жизни).

I.

Былъ девятый часъ сентябрьскаго утра.

Тулонскій рейдъ¹⁾ точно млѣлъ въ мертвомъ штиль²⁾. Солнце еще не томило жгучими лучами.

Капитанъ „Витязя“, стоявшаго рядомъ съ флагманскимъ³⁾ кораблемъ французской эскадры⁴⁾, только что принялъ обычные утренніе рапорты и, оставшись на мостикѣ, радостно, почти-что влюбленно любовался своимъ красавцемъ-корветомъ⁵⁾, съ изящными линіями обводовъ, стройнымъ,

1) Рейдъ—мѣсто стоянки судовъ. 2) Штиль—безвѣтріе. 3) Флагманъ—командиръ эскадры. 4) Эскадра—нѣсколько судовъ, плавающихъ подъ начальствомъ адмирала. 5) Корветъ—трехмачтовое военное судно.

съ высокимъ рангоутомъ⁶⁾, бѣлоснѣжною трубой и сверкавшею бѣлизной палубой⁷⁾.

Капитанъ-лейтенантъ Ракитинъ, молодой морякъ, впервые назначенный командиромъ, еще переживалъ медовые мѣсяцы власти и командованія однимъ изъ лучшихъ судовъ балтійскаго флота и щеголялъ безукоризненнымъ порядкомъ, умопомрачительной чистотой „Витязя“ и „идеальной“ быстротой работъ на немъ.

И „Витязь“ приводилъ въ восторгъ иностранныхъ моряковъ.

То было время обновленія и во флотѣ. Только-что были отмѣнены тѣлесныя наказанія. Капитанъ умѣлъ и безъ жестокости властвовать командой, и его „молодцы“, какъ онъ называлъ матросовъ, рвались на работахъ изъ всѣхъ силъ, рискуя изъ-за „идеальной“ быстроты на ученіяхъ увѣчьями и жизнью, ради самолюбиваго щегольства и желанія отличиться блестящаго капитана. И онъ былъ доволенъ „молодцами“. Они не осрамятъ „Витязя“.

Щеголевато одѣтый, весь въ бѣломъ,

6) *Рангоутъ*—мачты и другія деревянныя части паруснаго судна.

7) *Палуба*—помость или полъ на судахъ.

стройный и хорошо сложенный блондинъ лѣтъ подь тридцать, красивый, съ самоувѣреннымъ и смѣлымъ лицомъ, съ шелковистымъ свѣтло-русыми усами и бакенбардами, Ракитинъ взялъ бинокль и смотрѣлъ на флагманскій французскій корабль. И торжествующая побѣдоносная улыбка играла на его лицѣ.

Онъ отвелъ бинокль и, щуря голубые глаза, кинулъ, обращаясь къ вахтенному⁸⁾ офицеру, мичману⁹⁾ Лазунскому:

— У французовъ вѣрно сегодня парусное ученье.

— И у насъ будетъ, Владиміръ Николаичъ?—почтительно и весело спросилъ мичманъ.

— Конечно.

— Опять французы „опрахвостятся“, Владиміръ Николаичъ!—возбужденно проговорилъ мичманъ.

И его юное, безбородое и жизнерадостное лицо свѣтилось счастливой улыбкой побѣдителя.

Но Ракитину, щепетильно оберегающему

⁸⁾ Вахтенный—дежурный. ⁹⁾ Мичманъ—первый офицерскій чинъ во флотѣ.

свое капитанское достоинство, вдругъ показалось, что мичманъ фамильяренъ, вступающая съ капитаномъ въ разговоры. И Раки-тинъ оборвалъ мичмана, проговоривъ рѣзкимъ тономъ:

— Сигнальщикъ пусть не спускаетъ глазъ съ крюйсъ-брамъ-стеньги¹⁰⁾ адмирала!

— Есть, смотреть!—мгновенно дѣлаясь серьезнымъ, отвѣчалъ мичманъ.

— И вы посматривайте. Не прозѣвайте сигнала.

— Есть! Не прозѣваемъ!—еще серьезнѣе, тономъ служебной аффектаціи, отвѣтилъ нѣсколько обиженный мичманъ.

И несмотря на то, что сигнальщикъ не спускалъ подзорной трубы съ адмиральскаго корабля, мичманъ крикнулъ ему:

— Хорошенько смотри на адмирала!

„Зря кричишь!“—подумалъ сигнальщикъ и крикнулъ:

— Есть! Смотрю!

Капитанъ не сходилъ съ мостика и то-и-дѣло взглядывалъ на флагманскій корабль, по юту¹¹⁾ котораго расхаживалъ невысокій

¹⁰⁾ Верхушка мачты, къ которой поднимаются сигнальные флаги.

¹¹⁾ Ютъ—задняя (кормовая) часть верхней палубы.

худощавый адмиралъ, горбоносый, съ сѣдой эспаньолкой, въ темносинемъ длинномъ форменномъ сюртукѣ, съ отложными воротничками бѣлоснѣжной сорочки, необыкновенно любезный и вѣжливый старикъ-орлеанистъ, хотъ и служилъ при Наполеонѣ третьемъ.

Ракитинъ нетерпѣливо теребилъ свою бѣлорусую жидкую бакенбарду въ ожиданіи торжества „Витязя“. Еще бы! Не разъ уже „Витязь“ возбуждалъ профессиональную зависть и національную досаду иностранныхъ моряковъ и тѣшилъ самолюбіе русскаго блестящаго капитана.

Когда „Витязю“ приходилось стоять въ какомъ-нибудь рейдѣ съ французской или англійской эскадрой, Ракитинъ, соблюдая любезность международнаго этикета, по сигналу иностраннаго адмирала, дѣлалъ на „Витязѣ“ тѣ же ученія, какія дѣлались и на чужихъ эскадрахъ. И большей частью русскій корветъ оставался побѣдителемъ. Всѣ на „Витязѣ“ радовались. Даже докторъ и батюшка торжествовали, что на корветѣ ставили и убирали паруса минутой или полминутой раньше французовъ или англичанъ.

II.

— Сигналь!—крикнулъ во весь свой голосъ сигнальщикъ.

На крѣйсъ-брамъ-стенѣгъ флагманскаго корабля „Terrible“ взвились три комочка и у верхушки развернулись сигнальными флагами: „поставить всѣ паруса“.

Въ ту же секунду на всѣхъ судахъ французской эскадры поднялись отвѣтные сигналы, и среди тишины рейда раздались командныя французскія слова.

— Свистать всѣхъ наверхъ! Паруса ставить!—неестественно громко и взволнованно крикнулъ мичманъ, срываясь съ голоса, которымъ старался напрасно басить.

Засвистали дудки. Прозвучали голоса боцмановъ¹²⁾ и унтеръ-офицеровъ.

Словно испуганное стадо бросились матросы къ своимъ мѣстамъ. Офицеры стремглавъ выбѣгали изъ каютъ-компаніи¹³⁾ и неслись къ мачтамъ. Старшій пожилой штурманъ рысцой побѣжалъ на мостикъ, а младшій тѣмъ же аллюромъ пронесся за нимъ

¹²⁾ Боцманъ—старшій строевой унтеръ-офицеръ. ¹³⁾ Каютъ-компанія—общая каюта для офицеровъ.

и взялъ въ руки минутную склянку, чтобы усчитать время маневра.

Старшій офицеръ „Витязя“, Василій Леонтьевичъ, маленькій, кругленькій, толстенькій и свѣжій какъ огурецъ, лейтенантъ,¹⁴⁾ лѣтъ за тридцать, уже взбѣжалъ на мостикъ и разставилъ свои короткія ноги, подавшись всѣмъ своимъ корпусомъ черезъ поручни.

И все стихло,

— Марсовы¹⁵⁾ къ вантамъ!¹⁶⁾ По марсамъ и по салингамъ!¹⁷⁾—громко, весело, задорно и точно грозя кому-то вызовомъ, скомандовала густымъ и сочнымъ баритономъ Василій Леонтьевичъ.

Съ этой командой онъ бросилъ взглядъ своихъ быстрыхъ и острыхъ, какъ у мышатъ, карихъ глазъ на „француза“: побѣжали ли тамъ по вантамъ.

Нѣтъ еще! Слава Богу!

А марсовы „Витязя“ уже ринулись какъ бѣшенныя по натянутымъ вантинамъ. Лишь мелькали голыя пятки. Одни уже были на марсахъ, другіе бѣжали выше—на салинги,

¹⁴⁾ Лейтенантъ—второй офицерскій чинъ въ флотѣ. ¹⁵⁾ Марсъ—деревянная площадка, устраиваемая на мачтѣ. ¹⁶⁾ Ванты—пеньковыя и проволочныя снасти, держащія мачты. ¹⁷⁾ Салинги—площадки выше марсовъ.

когда французскіе матросы еще только добѣгали до марсовъ.

И шустрый живчикъ „Волчекъ“, какъ называли на бакѣ¹⁸⁾ Василя Леонтьевича, нетерпѣливѣе и громче крикнулъ:

— По реямъ!¹⁹⁾

Бѣлыя рубахи разбѣжались по марсамъ и брамъ-реямъ, придерживаясь рукой за „выстрѣлы“ (въ родѣ перекладины поверхъ рей) для баланса, съ такой смѣлой быстротой, словно бы они бѣжали по полу, а не по круглымъ поперечнымъ деревьямъ—реямъ, которыя своими серединами висѣли на страшной высотѣ надъ палубой, а ногами (концами)—надъ моремъ.

Матросы точно и не думали, что малѣйшая неосторожность—и сорвешься, чтобы размозжить голову о палубу или нырнуть съ высоты въ море и не вынырнуть на свѣтъ Божій.

— Отдавай!.. Пошелъ шкоты!²⁰⁾ Съ марсовъ и салинговъ долой!

Голосъ старшаго офицера звучалъ нервнѣе

¹⁸⁾ Бакъ—передняя часть верхней палубы. ¹⁹⁾ Рей—дерево, подвѣшанное за середину къ мачтѣ и служащее для привязыванія парусовъ.

²⁰⁾ Шкотъ—снасть, растягивающая у паруса подвѣтренную сторону.

и нетерпѣливѣе.

Капитанъ, не спускавшій глазъ съ рей, едва сдерживался отъ нетерпѣнія и самолюбиваго волненія. Ему казалось, что вотъ-вотъ—и позоръ: „Витязь“ не обгонитъ французовъ...

— Сколько минутъ?—вздрагивавшимъ голосомъ крикнулъ онъ.

— Двѣ съ половиной!—отвѣтилъ младшій штурманъ.

„И чего эти подлецы копаются!“—думалъ Ракитинъ, словно бы забывая, съ какой быстротой и съ какою смѣлой удалей дѣлали матросы свое трудное и опасное дѣло.

— Василій Леонтьичъ! Скоро-ли?—съ упрекомъ воскликнулъ капитанъ.

Старшій офицеръ пожалъ плечами.

— И безъ того люди рвутся!—отвѣчалъ Василій Леонтьевичъ.

Еще минута, безконечная минута...

И „Витязь“ сверху донизу, и съ боковъ, и впереди по бугшприту²¹⁾ одѣлся парусиной и походилъ на гигантскую птицу съ опущенными крыльями.

По-прежнему на корветѣ царила тишина.

²¹⁾ *Бушпритъ*—дерево, выдвинутое за бортъ въ носу судна.

Минуту спустя поставлены были паруса и на судах французской эскадры.

Но торжество капитана было неполное.

Онъ сердился. Самолюбіе блестящаго капитана было уязвлено.

Еще бы!

Сегодня на „Витязъ“ поставили не съ обычной сказочной быстротой, приводившей въ изумленіе моряковъ, а на сорокъ секундъ позже, и „Витязъ“ опередилъ французовъ только на минуту.

— Прикажете команду во фронтъ, Василій Леонтьевичъ.

— Есть!

Черезъ минуту матросы стояли во фронтъ. Быстрой и рѣшительной походкой, приподнявъ голову, подошелъ Ракитинъ къ срединѣ фронта. Всѣ глаза были устремлены на капитана. Въ напряженныхъ взглядахъ была подавленность. Нѣсколько секундъ Ракитинъ молчалъ, остановивъ прищуренные серьезные глаза на одномъ матросѣ стоявшемъ противъ него. И молодой марсовой еще больше и бессмысленнѣе выпячивалъ глаза на капитана.

— Не ожидалъ отъ васъ, ребята! Подга-

дили сегодня. Копались!—проговорилъ капитанъ строго и торжественно-мрачно.

И матросы словно бы почувствовали себя виноватыми. Лица стали еще напряженнѣе. Эффектъ вполнѣ удовлетворилъ капитана, и онъ, ужь смягчая голосъ, продолжалъ:

— Смотри! Впредь не осрамитесь и меня не осрамите передъ французами... Увѣренъ... Вы вѣдь у меня молодцы...

— Рады стараться, вашескобродіе!—облегченно и весело рявкнули матросы.

Капитанъ велѣлъ разойтись, успокоенный, что „молодцы“ не осрамятъ его и цѣнять слова капитана.

III.

Матросы считали Ракитина „молодчагой“ по флотской части командиромъ.

Обрадованные „отдышкой“ послѣ прежняго капитана, типичнаго „мордобоя“, съ расточительностью наказывавшаго людей линьками²²⁾, матросы находили, что новый командиръ, хоть и донимаетъ службой и спѣшкой куда больше „мордобоя“, но за-то

²²⁾ Линь—веревка.

„доберъ“. Дрался рѣдко и „съ разсудкомъ“, зря въ штрафы не переводилъ „для всыпки“, не очень уважалъ, чтобы офицеры занимались сильнымъ „боемъ“ и не взыскивалъ за пьянство на берегу.

Они, почти не знавшіе отдыха и работавшіе какъ бѣшеные, въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что „подгадили“ изъ-за сорока секундъ и мало стараются, чтобы не осрамить капитана и не осрамиться передъ французомъ.

И старшій боцманъ Терентьичъ, самъ взвинченный словами капитана, возбужденно говорилъ на бакѣ матросамъ:

— Ужо постарайтесь, черти! Не осрамите капитана предъ французомъ, дьяволы! Другой по формѣ вышибъ бы всѣмъ марсовымъ зубы, а капитанъ— „молодцы, моль!“ Не бойсь при мордобоѣ лупцовали бы ваши спины и не была бы у меня цѣла морда, если бы онъ распалился за что-нибудь... Еще счастье, что за секундъ не взыскивалъ...

Многіе марсовыя успокаивали боцмана.

— Не бойсь, Терентьичъ. Постараемся!

— Строгъ на спѣшку, а добрымъ словомъ...

— Обнадежилъ, значить... Молодцы, моль.

— И не зудиль... Не осрами—и шабашь!

— Покажемъ братцы, какъ закрѣпимъ паруса.

— То-то покажемъ!—подхватили многіе голоса.

И громче, и возбужденнѣе прозвучалъ голосъ молодого, краснощекаго и жизне-радостнаго марсоваго Никѣва съ большими ласковыми черными глазами.

IV.

Въ то же время капитанъ говорилъ въ своей каютѣ старшему офицеру:

— Надѣюсь, Василій Леонтьичъ, мы утремъ носъ французамъ при уборкѣ парусовъ... Не подгадимъ. Прикажите, сигару?

— Благодарю... я папироску... Чѣмъ же подгадили, Владиміръ Николаичъ? Развѣ что на сорокъ секундъ позже закрѣпили... Невелико опозданіе... И безъ того куда спорѣе.

— Не велико, а могло его не быть, Василій Леонтьичъ... И не должно быть... У насъ команда—молодцы! Съ ними можно и безъ порки... Умѣй только понимать психологію русскаго матроса... Я, слава Богу,

знаю его!—самоувѣренно произнесъ Ракитинъ.

— Золотой народъ!—горячо проговорилъ Василій Леонтьевичъ. И виновато прибавилъ:—Иногда и ударишь... привычка... Но если за дѣло—не обижаются.

— А все лучше бы господамъ офицерамъ полегче... Того и гляди еще въ газеты попадемъ... Неловко...

Шпилька была направлена въ старшаго офицера.

Онъ понялъ, но ничего не сказалъ.

— Кто это могъ сообщить про бывшаго командира „Витязя“... Читали?

— Читалъ... А кто сообщилъ и не думалъ.

— Пожалуй, младшій механикъ Носовъ отличился. Тоже либераль, этотъ сынокъ старшаго писаря!—съ презрительнымъ высокоуміемъ проговорилъ Ракитинъ. И, поморщившись, продолжалъ: въ каютъ-компани онъ проповѣдуетъ глупости... Какой-то механикъ, а тоже... Вы, Василій Леонтьичъ, не очень-то позволяйте этому механишкѣ... Мы на военномъ суднѣ... Чтобы онъ и не думалъ заниматься обличительной литературой... Живо сплавлю!—прибавилъ капи-

танъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ подчеркивая о своей власти „сплавить“.

Василій Леонтьевичъ далеко не уважалъ этого „безшабашнаго карьериста“, какимъ считалъ Ракитина. Онъ возмущался его требованіями какой-то сказочной быстроты и его высокомеріемъ, и хвастовствомъ, что можетъ офицера сплавить, и самомнѣніемъ человѣка, воображающаго, что онъ одинъ сдѣлалъ „Витязь“ такимъ образцовымъ судномъ, и пролазничествомъ, и нахальствомъ..

„Ишь задается хлыщъ! И мнѣ еще ни за что дѣлаетъ выговоры!“—подумалъ старшій офицеръ. Онъ вспыхнулъ и, сдерживая себя суровой школой дисциплины, официально сухо отвѣтилъ:

— Андрей Петровичъ Носовъ,—нарочно назвалъ старшій офицеръ механика по имени и отчеству,—не говорилъ въ каютъ-компани возбудительныхъ рѣчей, за которыя я былъ бы въ правѣ его остановить. А что онъ говоритъ въ своей каютѣ или на берегу, до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Я старшій офицеръ, а не сыщикъ-съ! И если вамъ угодно не позволить ему писать, коли Андрей

Петровичъ пишетъ, то извольте ему приказать или прикажите мнѣ передать ваше приказаніе...

Блестящій капитанъ дорожилъ Василиемъ Леонтьевичемъ, какъ отличнымъ старшимъ офицеромъ, понялъ свою безтактность передъ нимъ и въ первое мгновеніе былъ огорошенъ словами Василия Леонтьевича, казалось, недалекаго и покладистаго служаки.

Тѣмъ было досаднѣе Ракитину, что онъ не смѣлъ оборвать старшаго офицера, который такъ настойчиво противорѣчилъ капитану и отказался исполнить его приказаніе, выраженное въ формѣ совѣта.

И Василій Леонтьевичъ, видимо не желавшій сближенія съ Ракитинымъ съ перваго же дня его командирства, вызывалъ въ немъ теперь злобное чувство мелкой самолюбивой душонки.

Струсившій служебнаго разрыва, Ракитинъ и не показаль вида неудовольствія. Напротивъ, словно бы удивленный, онъ самымъ любезнымъ товарищескимъ тономъ, желая очаровать старшаго офицера, проговорилъ:

— Да что вы, Василій Леонтьичъ...

Извините, если я васъ безъ намѣренія обидѣлъ... Я и не думалъ дѣлать вамъ замѣчанія... И не имѣю повода... На-дняхъ слышалъ съ мостика черезъ открытый люкъ²³⁾ каютъ-компаніи слова механика, и мнѣ показалось... Васъ вѣрно не было... Я вѣдь знаю, что вы не допустите чего-нибудь предосудительнаго... Точно я не знаю, какой вы идеальный старшій офицеръ и незамѣнимый помощникъ, Василій Леонтьичъ!

„Экій подлець! Безъ всякихъ правилъ“, —подумалъ Василій Леонтьевичъ.

И, самый честный человекъ, имѣвшій правила, отъ которыхъ не отступалъ, онъ смягчился отъ комплиментовъ и извиненія блестящаго капитана.

— Я въ частномъ разговорѣ, по-товарищески, высказалъ вамъ, Василій Леонтьичъ,

— говорилъ капитанъ еще мягче и вкрадчивѣе,—свое мнѣніе о механикѣ.

Пусть въ душистымъ дымкомъ хорошей

²³⁾ Всякое отверстіе въ палубѣ, служащее для схода внизъ или для освѣщенія каютъ.

гаваны, онъ продолжалъ:

— Между нами говоря, не люблю я штурмановъ, механиковъ и артиллеристовъ... Порядочные-таки хамы...

И сколько презрѣнія къ этимъ парямъ флота было въ тонѣ Ракитина и сколько увѣренности, что старшій офицеръ вполне съ нимъ согласенъ.

Хотя и Василий Леонтьевичъ не былъ лишенъ кастоваго предрасудка, но далеко не былъ такимъ ненавистникомъ офицеровъ корпусовъ, какъ Ракитинъ.

И старшій офицеръ сказалъ:

— Наши штурмана, механики и артиллеристъ—достойные офицеры, Владиміръ Николаевичъ!

— Еще бы были у меня лодыри!..

— И вполне порядочные люди... А если не особенно показные... не свѣтскіе... Такъ вѣдь это, я думаю, не порокъ, Владиміръ Николаичъ!—проговорилъ Василий Леонтьевичъ...

— Очень радъ слышать такой отзывъ... Значитъ наши... пріятное исключеніе...

Наступило молчаніе.

Старшій офіцеръ поднялся съ кресла и спросилъ:

— Я вамъ больше не нуженъ, Владиміръ Николаевичъ?

— Нѣтъ, Василій Леонтьичъ...

Когда Василій Леонтьевичъ вышелъ изъ каюты, Ракитинъ ненавидѣлъ своего старшаго офицера.

V.

На флангманскомъ кораблѣ поднять былъ сигналъ „убрать паруса“.

Матросы „Витязя“ превзошли ожиданія даже Ракитина.

Они уже кончали крѣпить марселя²⁴⁾ и брамселя,²⁵⁾ когда французы еще начинали и только расходились по реямъ.

— Экія бабы!—произнесъ съ веселой улыбкой капитанъ и сталъ смотрѣть на реи „Витязя“.

²⁴⁾ *Марсель*—названіе второго снизу паруса. ²⁵⁾ *Брамсель*—третій снизу парусъ, поднимаемый надъ марселемъ.

Марсовыя точно волшебствомъ забирали мяготь подобранныхъ парусовъ марселей и связывали ихъ сезнями (бичевами), упираясь ногами на „перты“—веревки, протянутыя вдоль рей.

Объщавшіе не „осрамить“ капитана марсовыя, съ возбужденными, вспотѣвшими и покраснѣвшими лицами, торопились, словно обезумѣвшіе, для которыхъ мгновеніе—сокровище. Казалось, въ эти секунды они не знали чувства самосохраненія и забыли, что тонкіе веревочные „перты“, качавшіеся отъ движенія сильныхъ и цѣпкихъ ногъ, были опасной опорой, требующей осторожности и владѣнія нервами.

А восхищенный капитанъ, предчувствовавшій торжество побѣды, только любовался, какъ бѣшено рвутся и „идеально“ крѣпятъ марселя „молодцы“, покачивающіеся на высотѣ рей.

Старшій офицеръ, напротивъ, взволнованный, съ тревогой смотрѣлъ наверхъ. Бѣшеная торопливость марсовыхъ возбуждала опасенія, и совѣсть его была неспокойна. И

онъ взволнованно крикнулъ:

— Марсовые! Осторожнѣе! Крѣпче держись, братцы!

Ракитинъ метнулъ на старшаго офицера злой взглядъ и насмѣшливо кинулъ ему:

— Марсовые не бабы, Василій Леонтьичъ!

— Люди, Владиміръ Николаичъ!—значительно и возбужденно отвѣтилъ онъ.

— Знаю-съ, что люди!—надменно сказалъ капитанъ, краснѣя отъ негодованія, что его учать.

И только-что онъ это сказалъ, какъ передъ его глазами съ гротъ-марса-реи сорвался человѣкъ.

Что-то бѣлое ударилось о ванты, отбросилось вбокъ и звучно шлепнулось о палубу.

Ни крика, ни стона.

Работавшіе на шканцахъ²⁶⁾ матросы ахнули и отвернулись отъ недвижнаго человека, вокругъ котораго палуба окрасилась кровью.

²⁶⁾ Шканцы—часть верхней палубы между средней и задней мачтой.

Голова была размозжена, но красивое молодое лицо марсоваго Никѣва уцѣлѣло.

Большіе черные глаза выкатились, померкнувшіе въ застывшемъ взглядѣ ужаса.

Многіе торопливо перекрестились.

Гротъ-марсовыеневольно взглянули внизъ и снова стали вязать сезни.

Безумный пылъ исчезъ. Явилось вдругъ чувство самохраненія.

— Въ лазаретъ человѣка! — скомандовалъ старшій офицеръ.

Голосъ его дрогнулъ. Василій Леонтьевичъ не смотрѣлъ на убитаго.

Бодманъ Никитичъ уже прикрылъ его размозженную голову, и двое шканечныхъ отнесли Никѣва внизъ. Матросы отводили глаза отъ убитаго, крестились и снова трекали снасти. Офицеры поторапливали. Прибѣжалъ блѣдный и испуганный судовой врачъ. Какой-то старый баковый матросъ, забулдыга и пьяница Копчиковъ, крѣпившій кливеръ,²⁷⁾ промолвилъ вполголоса:

²⁷⁾ *Кливеръ* — косою треугольный парусъ, ставящійся отъ передней мачты къ носу судна.

— Тоже, спѣшка. Вотъ и спѣшка!

— Молчать!—окрикнулъ первый лейтенантъ, распорядившись на бакѣ.

Работы горѣли.

— Марсовыя съ марсовъ и салинговъ долой!—скомандовалъ Василій Леонтьевичъ.

Въ его командѣ не было прежняго возбужденія. Убитый не выходилъ изъ его головы.

„Витязь“ былъ побѣдителемъ.

Еще на французской эскадрѣ не были убраны паруса, а „Витязь“ красовался съ оголенными мачтами. Снасти были убраны.

Несмотря на торжество русскаго корвета, на палубѣ стояла зловѣщая тишина только-что бывшаго несчастья.

Потрясенные матросы притихли и угрюмо молчали, стоя у своихъ снастей.

Только забулдыга Копчиковъ тихо говорилъ съ иронической ноткой въ сипломъ пропитомъ голосѣ двумъ товарищамъ:

— А вы рвись, такіе сякіе... Подыхай изъ-за секунда!.. За-то молодцы! А ему начхать, что Егорка расшибся... Ты по-

гляди, что ему... Это не „Волчекъ“... У того душа!

Дѣйствительно, блестящій капитанъ былъ подъ впечатлѣніемъ торжества.

Напрасно онъ старался принять озабоченный видъ. Въ его еще торжествующемъ лицѣ было лишь выраженіе досады, когда онъ произнесъ, обращаясь къ старшему офицеру:

— Экій неосторожный матросъ...

И не получивъ отвѣта, спросилъ:

— Кто сорвался, Василій Леонтьичъ?

— Егоръ Никѣевъ... Уже второе несчастье въ теченіе мѣсяца!—взволнованно-сердито проговорилъ старшій офицеръ... Искомандовалъ:—Подвахтенные внизъ!

Капитанъ, раздраженный и еще выше поднявшій голову, ушелъ въ каюту.

Разговаривая между собой, офицеры спускались въ каютъ-компанію.

Мичманъ Лазунскій вскочилъ на мостикъ, вступая на вахту.

Разстроенный и грустный, словно бы желая подѣлиться съ кѣмъ-нибудь тяжелымъ

настроениемъ, онъ сказалъ старшему офицеру:

— И если бы вы знали, Василій Леонтьичъ, какой былъ славный Никѣвъ!

— Знаю. Всякаго было бы жаль. Человѣкъ!—раздумчиво и серьезно промолвилъ Василій Леонтьевичъ...

— Еще бы... Конечно всякаго, Василій Леонтьичъ...

И, мгновенно вспыхивая, чуть не со слезами въ голосъ, точно боялся, что Василій Леонтьевичъ можетъ дурно подумать о мичманѣ, Лазунскій торопливо и застѣнчиво прибавилъ:

— Вы не подумайте обо мнѣ, Василій Леонтьичъ, будто я...

— Что вы, что вы, Борисъ Алексѣичъ?... Я думаю... я увѣренъ, что вы славный юный мичманъ... Такимъ и останьтесь, когда будете капитаномъ!—ласково сказалъ Василій Леонтьевичъ... И, уходя, прибавилъ:— панихида будетъ въ одиннадцать... Дайте знать капитану въ одиннадцать... И половину вахтенныхъ отпустите внизъ...

— Есть, Василій Леонтьичъ!— отвѣтилъ мичманъ.

А глаза его говорили:

„И какой добрый этотъ Василій Леонтьевичъ“.

VI.

Черезъ полчаса старшій офицеръ прошелъ въ лазаретъ. У двери стояла толпа, ожидая очереди. Въ маленькой каютѣ лазарета толпились матросы, пришедшіе взглянуть на покойника и, перекрестившись, поцѣловать его лобъ.

Уже обмытый и одѣтый въ чистые штаны и рубаху, съ парусинными башмаками, онъ лежалъ на койкѣ²⁸⁾. Голова покоилась на подушкахъ. Глаза были закрыты, и уже мертвенно пожелтѣвшее лицо казалось спокойнымъ, съ тѣмъ выраженіемъ какого-то важнаго недоумѣнія, которое часто бываетъ у покойниковъ. Образной читалъ псалтырь. Василій Леонтьевичъ постоялъ минуту—

²⁸⁾ Койка—постель для матросовъ.

другую, не спуская глазъ съ покойника, потомъ перекрестился, поклонился ему и вышелъ, испытывая тяжелое чувство виноватости.

— Послать ко мнѣ въ каюту боцмана!— приказаль вѣстовому Василій Леонтьевичъ.

Черезъ минуту Терентъичъ вошелъ въ каюту старшаго офицера.

Василій Леонтьевичъ велѣлъ покойника перенести въ палубу передъ образомъ и сказалъ, что панихиды будутъ два раза въ день, а черезъ день его похоронять на французскомъ кладбищѣ.

— Чтобы взводъ провожалъ, и можетъ идти на похороны кто пожелаетъ.

— Есть, ваше благородіе...

— Да вотъ еще что, Кирилловъ... Узнай, изъ какой деревни покойный Никѣевъ и живы ли у него родители?...

— Никого у его въ живыхъ, ваше благородіе...

— Такъ, можетъ, близкіе кто у него на родинѣ...

— Точно такъ, ваше благородіе, и по той

причинѣ дозвольте разрѣшить...

— Что?

— Собственные вещи Никѣва отправить на родину. Покойникъ безпремѣнно наказывалъ своему земляку Иванову... Ежели, говорить, случаемъ расшибусь, отпishi въ Кронштадтъ и безъ промедленія отправь вещи...

— Хорошо. Я отправлю. А какія вещи?

— По малости бабьи гостинцы, ваше благородіе! На платъе штучку, два колечка, платокъ и сорокъ франковъ... Покойный не занимался виномъ, ваше благородіе.

— Ладно. Принеси мнѣ. И адресъ дай.

— Очень благодарны, ваше благородіе... Душевный былъ матросикъ. Простой. Вся команда жалѣеть... Горячъ былъ на работѣ. Изъ-за горячности и сорвался. Хвасталъ не осрамить капитана. И не осрамилъ, ваше благородіе.

— А кому же послать... Кто она?

— Въ законный бракъ съ ей собирался, ваше благородіе, какъ „Витязь“ вернется. Той самой невѣстѣ и копилъ гостинцы.

Пригвоздила, значить, покойнаго Егорку эта въ родѣ не то, съ позволенія сказать, въ родѣ дѣвицы, матросская дочка. И сама пригвоздимшись... Три года съ нимъ зналась какъ мужняя жена... И часто отписывала ему... Только и была близкая ему.

— А отчего Никѣевъ, такой молодець, думаль, что убьется?

— Такъ, зря болталъ, а вышло бытто чуялъ судьбу, ваше благородіе... Азартный былъ сердцемъ. А капитанъ еще давеча приказывалъ не подгадить... И лестно такъ... Никѣевъ и распалился... И дозвольте, ваше благородіе, еще доложить...

— Что? говори!

— Очень эта спѣшка самая можетъ извести команду... Такъ попросили бы командира... Онъ доберь... Дастъ ослабку, ваше благородіе...

Василій Леонтьевичъ сморщился и обѣщаль поговорить.

Послѣ похоронъ матроса старшій офицеръ осторожно поговорилъ съ капитаномъ... и разговоръ кончился тѣмъ, что Василій

Леонтьевичъ списался съ корвета и уѣхалъ въ Россію.

Блестящій капитанъ былъ не по душѣ старшему офицеру.

Ю. Станюковичъ.

Ежъ. На разсвѣтѣ. Повѣсть изъ эпохи освобожденія болгаръ отъ турецкаго ига. ц. 60 к.

Мордовцевъ. Знаменія времени. Ром. ц. 2 р.

Франко. Въ потѣ лица. ц. 1 р. 50 к.

Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ, съ 97 рис. цѣна 1 руб.

Содержаніе: Введеніе. Жизнь въ тундрѣ или ледяной пустынѣ. Жизнь въ лѣсахъ умѣреннаго пояса. Жизнь въ степяхъ. Жизнь въ жаркихъ пустыняхъ. Жизнь въ экваторіальныхъ лѣсахъ. Горы, равнины и побережья морей. Вліяніе занятій на образъ жизни. Земледѣліе. Развитіе искусствъ. Развитіе промышленности. Торговля и транспортъ. Торговые пути и города. Населеніе, его распредѣленіе и передвиженіе. Правительство. Человѣческія расы.

Новая бібліотека:

Лѣсъ шумить. **В. Г. Короленко** (съ 7 рис.) ц. 6 к.

Сонъ Макара. **Его-же** (съ 6 рис.) ц. 8 к.

Озорникъ. **Д. Н. Мамина-Сибиряка** (съ 4 рис.) ц. 8 к.

Маттео Фальконе. **П. Мериме** (съ 5 рис.) ц. 5 к.

Удружилъ. Старый панъ. Осѣдность. **А. Яблоновскаго** (съ 5 рис.) ц. 8 к.

Великій грѣшникъ. **Д. Н. Мамина-Сибиряка** (безъ рис.) цѣна 10 коп.

Страшные дни. Послѣднее искушеніе. **Его-же** (съ 4 рис.) ц. 5 коп.

Рѣдкій праздникъ. **И. Н. Потапенко** (съ 7 рис.) цѣна 10 коп.

Якимъ Мачукъ. (Избиратель). **Н. Кобринской** (съ 7 рис.) цѣна 8 коп.

Освобожденіе негровъ въ Америкѣ. **Герштеккера** (съ 7 рис.) цѣна 10 коп.

23к

Издание В. И. Раппъ и В. И. Потапова.

- В. Вересаевъ. Въ стени. 28 стр., ц. 3 к.
В. I. Дмитриева. Бакалѣ. 62 стр., ц. 6 к.
Ея-же. Митюха—учитель. 264 стр., ц. 25 к. 2-е изд.
Ея-же. Димка. 159 стр., ц. 15 к.
Ея-же. Она не первая. 92 стр., ц. 10 к.
Ивановичъ. Степанъ. Ежикъ. 127 стр., ц. 10 к.
Мельшинъ. Любимцы каторги. 65 стр., ц. 7 к.
Его-же. Ферганскій Орленокъ. 43 стр., ц. 6 к.
А. П. Изъ исторіи государства Аонискаго. 64 стр., ц. 7 к.
Семонъ Подъячевъ. Мытарства. 143 стр., ц. 25 к.
Райхесбергъ, проф. Рабочій вопросъ. ц. 15 к. (Изд. „Издатель“).
Н. Рубакинъ. Кораллы и люди. 64 стр., ц. 10 к.
А. Свирскій. Смертная казнь. 28 стр., ц. 5.
К. М. Станюковичъ. Отчаянный. 2-е изд. 32 стр., ц. 5 к.
Его-же. Исайка. 48 стр., ц. 6 к.
Его-же. Оборотъ. 32 стр., ц. 5 к.
Его-же. Блестящій капитанъ. 32 стр., ц. 5 к. 2-е изд.
Евг. Чириковъ. Бродячій мальчикъ. 64 стр., ц. 7 к.
Его-же. Танино счастье. 96 стр., ц. 10 к.
А. Яблоновскій. За докторомъ. 32 стр., ц. 3 к.

- В. I. Дмитриева. Червоный хуторъ. 360 стр., ц. 1 р.
Ея-же. На скалѣ. 96 стр., ц. 10 к.
М. Дрейеръ. Кандидатъ. Драма. 124 стр., ц. 30 к.
А. Яблоновскій. Очерки изъ гимназической жизни и другіе рассказы. 427 стр., ц. 1 р.

Готовятся къ печати:

- Давидсонъ. Человѣкъ, какъ животное дѣлающее орудія.
Трудъ и капиталъ. Съ польскаго подъ редакціей
Н. Нежданова.
Короленко. У стѣны. ц. 3 к.
Станюковичъ. Собака и др. морскіе рассказы.

Складъ изданій въ г. Харьковѣ, Харинскій пер.,
у В. И. Раппъ.

Выписывающіе изъ склада на ДВА руб. за пересылку
не платятъ.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА.

Отдѣленія склада: Въ Петербургѣ книги, магаз. О. Н. Поповой, Невскій, 51; въ Москвѣ книжн. магаз. „Трудъ“, Тверская ул.; въ Одессѣ книжн. магаз. „Учитель“, Тираспольская, 8; въ Кіевѣ книжн. складъ Кіевского Общест. Грамотности; въ Саратовѣ книжн. складъ Губернскаго Земства; въ Вяткѣ книжн. складъ Губернскаго Земства; въ Полтавѣ книжн. складъ Общест. Библіотеки.

2007067249